

Archi: По партитурной лестнице вверх

Для представления кафедры струнно-смычковых инструментов мы выбрали тему «я и мой музыкальный инструмент». Она касается не только струнников, а потому кажется интересной и актуальной, затрагивающей глубинные основы профессии музыканта-исполнителя. Именно в сфере каждодневного многолетнего общения с инструментом, определяемого понятием «жизнь», приоткрываются генетические музыкантские «коды». Становившиеся предметом пристального писательского внимания, они воплощались в кентаврические образы, в которых музыкант неотделим от своего инструмента. Такие образы, известные нам по произведениям «Контрабас» Патрика Зюскинда или «Альтист Данилов» Владимира Орлова, а также легендарные фигуры гениальных исполнителей прошлого и настоящего, хотим мы того или нет, формируют наше восприятие. Вымышленные персонажи надолго «застревают» в нашей голове, вот почему нам захотелось сопоставить виртуальные образы и мнения реальных музыкантов. Нашими собеседниками стали представители всех видов инструментов в семействе Archi – педагоги кафедры струнно-смычковых инструментов Саратовской государственной консерватории: старший преподаватель **Виктор Тимофеевич Резников** (контрабас), заслуженный деятель искусств РФ, заслуженный артист РФ, профессор **Лев Владимирович Иванов** (виолончель), профессор **Анатолий Борисович Григорьев** (альт) и заслуженный работник культуры РФ, заведующий кафедрой струнно-смычковых инструментов СГК, доцент **Анна Наумовна Гольденберг** (скрипка). В ходе нашей беседы мы надеялись провести свое «частное расследование» и попытаться приблизиться к разгадке этого, столь волнующего воображение «кентаврического» кода, объединяющего струнников всех «размеров», определяющего психологию музыкантов на глубинном уровне, наследуемого из поколения в поколение. Насколько нам это удалось, судить вам, дорогие читатели.

Contrebasse & Violoncell

«... А для виолончели и сопрано написано не так уж много. Очень даже мало. Почти так же мало, как для сопрано и контрабаса...»

П. Зюскинд

– Пьеса «Контрабас» немецкого писателя Патрика Зюскинда должна быть хорошо известна контрабасистам. Хотя ее автор сам играет не на контрабасе, а на фортепиано, ему, по словам Дитера Шнабеля, удалось создать то, «что не написал еще ни один композитор: меланхолическое произведение для одного контрабаса». Пьеса Патрика Зюскинда – это исследование души человека и одновременно размышление о музыке. Для ее главного героя контрабас становится верным спутником жизни, единственным близким «другом», кто может выслушать его монологи. После прочтения этой «струнно-смычковой» пьесы, невольно возникли параллели с жизнью и творчеством наших музыкантов, и в

первую очередь, с обладателями низких «голосов». Конечно, виолончель и контрабас – это разные инструменты, но сама пьеса наталкивает на мысль о том, что некоторые психологические моменты оказываются общими для исполнителей на этих инструментах и для музыкантов вообще.

В жизни героя пьесы Патрика Зюскинда общение с инструментом продолжалось всё время, даже тогда, когда он не держал его непосредственно в руках. Вам, конечно, много приходится играть на инструменте. Ограничивается ли для Вас это общение сценой и классами?

В.Т. Резников: Конечно, нет. Часто бывает так: где-то услышал интересную музыку и возникает мысль – а может ли это прозвучать

на том или ином инструменте? Так я делаю переложения. Здесь, кроме многих других задач, необходимо очень точно выбрать нужный регистр, чтобы вся величина диапазона сольной партии и аккомпанемента прозвучала без акустических потерь в качестве звучания другого инструмента, и это часто не просто. Кроме того, сейчас появились огромные технические возможности, которые позволяют заглянуть буквально в любой уголок нашего необъятного музыкального мира. Мы этим, конечно, пользуемся. При помощи Интернета можно услышать своих коллег из других городов, стран, увидеть, что они нового вносят в исполнительство и педагогику.

– Для героя пьесы инструмент был, бесспорно, «живым организмом», способным «говорить»,

«болеть» и т.д. «Если он (контрабас) чего-то и не переносит, так это дождя, под дождем он умирает...», – говорил персонаж повести. А для Вас Ваш инструмент «живой»?

В.Т. Резников: Я бы сказал, что такое понимание присуще людям, у которых психологическое внутреннее состояние не удовлетворено жизненной сферой, то есть кроме контрабаса, которым человек отгородился от мира, он больше в жизни ничего не знает. И контрабас музыканту как бы и родной и в тоже время он его ругает за испорченную свою жизнь. Нет, конечно. Лично для меня все инструменты очень близки. Я, например, еще преподаю класс гитары в центральной музыкальной школе. Контрабас для меня не отгораживает мир.

Л.В. Иванов: В молодые годы виолончель для меня была лишь средством учебы в музыкальной школе. И только потом, особенно после окончания аспирантуры при Московской консерватории, я начал понимать, что просто хорошо играть на своем инструменте недостаточно.

С этого момента передо мной встал большая проблема, как превратить виолончель в средство передачи смысла самой музыки, вложенного в неё великими композиторами. И когда однажды кто-то сказал мне, что моя виолончель «разговаривает», я понял, что нахожусь на правильном пути. И этот путь оказался бесконечным, как горизонт, до которого никогда нельзя дойти, но и останавливаться нельзя. Сказать однозначно, что виолончель для меня, как живой организм, я не могу. Может быть, без виолончели я и смог бы прожить какое-то время, без музыки – нет. Поэтому виолончель для меня как для художника – полотно, кисть, краски, средство заниматься любимым делом.

– В пьесе Зюскинда герой говорит о том, что «контрабас – это больше препятствие, чем инструмент». Можете ли Вы сказать то же самое о своем инструменте?

Л.В. Иванов: Я никогда не ставил перед собой подобный вопрос. Но если говорить о его «технической» стороне, то, конечно, различные музыкальные инструменты, выполняющие ту или иную роль в музыке, имеют свои преимущества и недостатки. Здесь надо рассматривать функцию виолончели в различных формах её использования: в симфоническом оркестре, в камерной музыке, в струнном квартете и т.д. Конечно, для профессионального освоения того или иного инструмента необходимо учитывать многие факторы: физическое состояние, эластичность пальцев и кисти, предрасположенность к инструменту. Перечислять их очень долго. Здесь всё зависит от опыта педагога, который несет моральную ответственность за выбор инструмента.

В.Т. Резников: Я могу сказать, что контрабас – это инструмент, который без навыка в руки не возьмешь. Дома, конечно для него уголок требуется, и пыль под ним на полу вытереть надо, если она скопилась. Контрабас это вообще такая своеобразная новогодняя елка в квартире.

– Как влияет инструмент на Ваш характер?

Л.В. Иванов: Однозначного ответа я дать не могу. Роль виолончели в различных произведениях различна, но, кроме концертов с оркестром, ей не отводится главная роль, поэтому виолончелисты всю свою жизнь пытаются быть не «хуже» скрипачей или пианистов, что очень часто влияет на характер виолончелиста. Ему приходится всю жизнь пытаться стать «равноправным» ансамблистом, для чего, естественно, приходится постоянно прилагать усилия (как динамические, так и выразительные). Поэтому в публичных выступлениях различных по составу ансамблей виолончелист чисто внешне кажется самым активным участником.

В.Т. Резников: Я не могу сказать о себе, что на мой характер как-то повлиял контрабас. Может быть, это должен кто-то подметить. Если со стороны смотреть на контрабасистов, то я бы не стал говорить, что от общения с этим инструментом они испытывают какое-то влияние. Скорее всего, у них могут проявляться какие-то недостатки в образовании. Контрабасисты, как и вокалисты, чаще всего начинают получать музыкальное образование довольно поздно. У вокалистов это связано с формированием голосовых связок, а у контрабасистов – с величиной самого инструмента. И осознание каких-либо собственных профессиональных недостатков может негативно влиять на характер.

– Как Вы считаете, есть ли что-то общее в характере виолончелистов / контрабасистов?

Л.В. Иванов: Думаю, что в прямом смысле нет. Кроме, может быть, желания быть наравне со скрипачами, пианистами. Поэтому виолончелисты часто очень активны.

В.Т. Резников: Профессия струнников, и в частности контрабасиста, это коллективное творчество, связанное с оркестровым

(Продолжение на стр. 12)

(Продолжение. Начало на стр. 10)

исполнительством, в особенной степени вызывающее чувство ответственности за общее дело. И, пожалуй, самое ценное и общее в их характере – это неподдельная любовь к музыке. А подтверждается это тем фактом, что в отличие от всех остальных музыкантов, которых в детстве родители привели в музыкальную школу за ручку, контрабасист, уже зрелый юноша и в здравом уме, приходит учиться сам. А характер у всех разный. Есть очень подвижные люди, которым всё надо, которые во всё вникают, а есть крайне замкнутые.

– *Хватает ли Вам репертуара, чтобы проявить себя как музыканта?*

Л.В. Иванов: Вопрос очень сложный, потому что можно быть плохим пианистом или скрипачом, имея несметное количество прекрасных сочинений, и хорошим виолончелистом при ограниченном репертуаре. Если говорить о сольном репертуаре высокого уровня, то он весьма ограничен. Если смотреть на роль виолончели, скажем, в камерной или симфонической музыке, то здесь «море» прекрасной музыки, где можно отлично проявить свои качества музыканта (но, естественно, не на первых ролях). Такова же участь альтиста или контрабасиста, у которых сольная литература близка к нулю, а ценность этих инструментов в оркестре и ансамблях безусловна. Виолончель ведь первоначально была просто басом.

В.Т. Резников: Действительно, и виолончель, и контрабас страдают от нехватки репертуара. Для контрабаса писали немногие композиторы, в XIX веке – Д. Драгонетти и Дж. Боттезини, которые были прекрасными исполнителями, играли на контрабасе виртуознейшие произведения, не менее сложные, чем, например, предназначенные для скрипки. Боттезини вообще называют Паганини контрабаса.

Л.В. Иванов с М.Л. Ростроповичем

До сих пор мы играем его произведения, и ещё не всё технически доступно. Как правило, музыканты такого плана для своего инструмента сами сочиняли произведения, потому что кроме них так знать возможности инструмента никто не мог. В XX веке Сергей Кусевицкий – контрабасист, композитор и дирижёр Бостонского симфонического оркестра – написал Концерт для контрабаса с оркестром ми минор, который обязательно включается во все конкурсные программы. До сих пор этот концерт считается одним из самых сложных и ярких произведений. Кроме этого, Кусевицкий написал несколько очень красивых пьес, которые также часто исполняются. Есть и другие композиторы, которые писали для контрабаса, например, С. Губайдулина, Г. Конюс, А. Эшпай, П. Черноиваненко... Но такое произведение, которое бы отвечало всем требованиям звучания инструмента, редкость, поэтому контрабасистам приходится играть много переложений.

– *Что (или кто) для Вас идеал музыканта?*

Л.В. Иванов: Если прямо ответить на этот вопрос, то я бы сказал так: идеала музыканта не может быть вообще. Я мог бы назвать многих выдающихся виолончелистов, величие которых выражается в их разнообразии: есть музыканты «масштабные», есть «тонкие», есть «своеобразные» и т.д. И каждому нормальному человеку нравится в одном «это», в другом «то». Например, находясь в Москве на учёбе,

мне приходилось слышать разговоры о том, что кому-то не нравится Рихтер, кому-то Ростропович и т.д. Для кого-то Рихтер – идеал, для кого-то – В. Софроницкий, для кого-то – Д. Ойстрах, для кого-то – Л. Коган... Правильнее, мне кажется, говорить о том (если ты

хорошо разбираешься в проблеме, о которой судишь), что, например, интерпретация музыки такого-то композитора одним артистом исполнителем мне ближе и нравится больше, чем интерпретация другим. В целом могу сказать, что идеал музыканта заключается в том, что он является великолепным исполнителем замысла композитора и во время исполнения полностью забывает о «себе любимом».

В.Т. Резников: Если отвлечься от мировой музыкальной жизни и говорить о нашей консерватории, и в частности кафедре, где работаю, то среди многих ярких замечательных музыкантов я выделяю профессора Л.В. Иванова. Это высокоталантливый музыкант, ведущий постоянную исполнительскую деятельность, всегда стремящийся к новому знанию и прививающий это и другие необходимые музыканту качества своим студентам. В общечеловеческом масштабе Лев Владимирович интеллигентный, скромный человек, не замыкающийся рамками профессиональной деятельности. Он обязательно находит в себе возможным оставлять какой-то промежуток для активного отдыха. Чаще всего это лето, дачный сезон, когда Лев Владимирович берет в руки лопату и копает огород, не тревожась за свои руки музыканта. Хотя, по его собственному признанию, совершает преступление по отношению к своему инструменту.

Беседовала
Е. Дрыкина